

Пролог

Александра Маунтбаттен обладала здравым смыслом в полной мере. Так считали ее подруги.

Но, честно говоря, здравый смысл у Алекс совершенно отсутствовал, во всяком случае, в ту минуту, когда перед ней предстал обворожительный джентльмен с дерзкими зелеными глазами. Если бы ей тогда хватило хоть чуточку рассудительности, она никогда бы не сделала ошибку, которую позволила себе, увидев того особенного покупателя в книжной лавке.

Даже сейчас, полгода спустя, она воспроизводила в памяти ту полную неловкости сцену во всех подробностях, словно наблюдая ее на подмостках театра.

Место действия: книжная лавка Хэтчарда.

Время действия: вторая половина пятницы ноября.

Действующие лица: Александра, конечно; три ее ближайшие подруги — Никола Тиг, леди Пенелопа Кэмптон и Эмма Пембрук, герцогиня Эшбери.

Главное действующее лицо (выдайте гром фанфар, пожалуйста!): Повеса из Книжной Лавки, как окрестили ее подруги, собственной персоной.

Описание сцены.

В одной руке Александра на весу держит стопку книг Николы, а свободной рукой лихорадочно листает книгу, которую только что купила для себя. Это подержанный экземпляр «Каталога звездных скоплений и туманно-

стей» Шарля Мессье, который Алекс, как жемчужное зерно, сумела отыскать в развале старых книг. Об этом «Каталоге» Алекс мечтала целую вечность. Сразу после выхода в свет нового издания ей не удалось его купить.

Вот сейчас она быстро просматривает описания небесных туманностей... И тут — бац! — следует столкновение космического масштаба.

Причина осталась непонятной. Возможно, она машинально сделала шаг назад, а может, джентльмен повернулся не глядя. Неважно! Вне зависимости от того, кто кого толкнул локтем и чью задел руку, сработал закон физики о действии, равном противодействию. Потом вступило в силу земное тяготение — все ее книги грохнулись на пол. А когда Алекс оторвала взгляд от разлетевшихся по полу книг и посмотрела вверх... Он стоял перед ней!

Волнистые каштановые волосы, модная одежда, запах одеколона — так благоухает грех — и улыбка... Не было никакого сомнения: такую улыбку вырабатывают еще в детстве — как инструмент воздействия на женщин, чтобы всегда и всё прощали.

С дружеским участием джентльмен собрал книги. Алекс даже не шевельнулась, чтобы ему помочь. Он заинтересовался, как ее зовут, но она стояла онемев.

Зеленоглазый красавец попросил у нее совета, какую книгу купить в подарок двум юным леди, но она продолжала молчать.

Молодой человек придвинулся ближе. Алекс вдохнула его одеколон с таким мужским хвойным ароматом — и чуть не рухнула в обморок.

Но тут незнакомец тепло взглянул на нее, то есть посмотрел на нее по-настоящему, что случается редко, так

как это означает дать разрешение посмотреть на себя по-настоящему в ответ. Равносильные и противоположные реакции.

Этот человек заставил Алекс почувствовать себя единственной женщиной в книжной лавке. Возможно, единственной женщиной во всем мире. Или даже во всей Вселенной.

Казалось, тот миг длился целую вечность, но все равно закончился слишком скоро.

Затем незнакомец быстро поклонился, произнес свое «adieu» — «прощайте» по-французски — и быстрым шагом пошел к выходу. Он ушел, как оказалось, с «Каталогом» Мессье под мышкой, оставив Александру с книгой безвкусных историй, рассчитанных на юных леди.

Занавес. Конец сцены.

По крайней мере, подразумевалось, что это конец.

Алекс была полна решимости стереть воспоминание о том происшествии со своей мысленной грифельной доски, но Пенни, самая безнадежно романтичная из подруг, не позволила.

Так как молодой человек не представился, Пенни сама наградила его невообразимыми титулами. Сначала он был просто Повесой из Книжной Лавки, но недели шли, и его быстро возвысили до уровня пэров — Сэр Читатель, Лорд от Литературы, Герцог Хэтчард.

«Прекрати, — повторяла себе Алекс снова и снова. — Это произошло сто лет назад, и я больше не думаю о нем. Как и он наверняка не вспоминает обо мне. Все это пустое».

Если бы! Память о той встрече продолжала храниться где-то в дальнем уголке ее глупого сердца, расцветива-

лась там всеми цветами радуги, потихоньку начинала сверкать, искриться, заставляя думать... о том, в чем признаться вслух даже близким подругам было смерти подобно. Если уж совсем откровенно, Алекс и себе старалась не признаваться в этом.

С того самого дня, когда бы ей ни доводилось навещать книжную лавку Хэтчарда, или «Храм муз», или даже «Библиотеку Минервы», она высматривала его. Представляла, как они вновь столкнутся и он признается ей потом, за вечерним чаем, который плавно перетечет в ужин, что тоже искал ее во всех книжных лавках в надежде встретиться. Потому, разумеется, что за те две минуты болезненного одностороннего разговора он вдруг почувствовал, что растерявшаяся нескладная девушка из простых, невысокая — ее можно было бы спокойно поместить в посудный шкаф среднего размера — это предел его всегдашних мечтаний.

«Ты — та самая, которую я искал так долго».

«Теперь, когда я нашел тебя, я никуда тебя не отпущу».

«Александра, ты нужна мне».

А вы говорите — здравый смысл!

Алекс работала часовщиком в домах богатых клиентов, и у нее не было свободного времени, чтобы помечтать. Она определила себе жизненные цели и упорно трудилась, чтобы достичь их. Она прочно стояла на земле: плечи расправлены, взгляд устремлен вперед.

Ей непозволительно — абсолютно непозволительно! — увлекаться романтическими фантазиями.

Жаль только, что воображение не подчинялось подобным установкам. В ее мечтах при встрече с незнакомцем после вечернего чаепития следовала прогулка

в парке, сопровождавшаяся задушевными беседами, поцелуями при звездах и даже — чувство гордости замолкало при мысли об этом — предложением руки и сердца.

Да-да, предложение руки и сердца, а потом — свадьба.

Согласна ли ты взять в мужа Повесу из Книжной Лавки, у которого такой кошмарный вкус в детской литературе?

Абсурд!

После нескольких месяцев попыток справиться с откровенным безумием Алекс сдалась. По крайней мере, фантазии — какими бы глупыми они ни казались — были ее фантазиями, они помогали ей хранить свою сердечную тайну. И потом, было совершенно невероятно, чтобы она когда-нибудь вновь встретилась с Повесой из Книжной Лавки.

Так продолжалось до утра того дня, когда это все-таки случилось.

Глава 1

Утро началось точно так же, как начинались все утра Чейза в последнее время, — с трагической кончины.

— Она умерла.

Он повернулся на бок, поморгал — лицо Розамунды стало четче видно.

— От чего на этот раз?

— Тиф.

— Очаровательно!

Взявшись за мягкий подлокотник софы, он подтянулся и сел. И тогда на него накатила волна жалости к себе. Чейз потерял виски, страдая от воспоминаний о том, как провел ночь, как распутничал ни свет ни заря этим утром. Заодно решил, что стоит пожалеть и о своей зря потраченной юности. Немного прояснилось его расписание на вечер.

— Похороны могут подождать.

Наконец в его голове перестали бить колокола, и он смыл с себя назойливый запах французских духов.

— Нет, это нужно сделать как можно быстрее. Дейзи говорит, зараза может распространиться дальше. Она как раз сейчас готовит тело.

Чейз застонал, но решил: спорить не имеет смысла, лучше сразу со всем покончить.

Когда они начали подниматься по лестнице из четырех пролетов, ведущей к детской, Чейз обратился к своей десятилетней воспитаннице:

— Ты можешь что-нибудь сделать с этим?

— А вы?

— Она ведь твоя младшая сестра.

— Но вы ее опекун.

Поморщившись, он потер пульсирующий болью висок.

— Умение поддерживать дисциплину не относится к моим талантам.

— А покорность не относится к нашим достоинствам, — откликнулась Розамунда.

— Я это уже понял. Не думай, что я не заметил, как ты прикарманила тот шиллинг со стола.

Они добрались до верхней площадки и пошли по коридору.

— Послушай, это надо прекратить. В привилегированные пансионы не принимают малолетних воровок и серийных убийц.

— Это не убийство. Это был тиф.

— Ну кто бы сомневался!

— И мы не желаем отправляться в пансион.

— Розамунда, тебе пора выучить один неприятный урок. — Чейз открыл дверь в детскую. — В жизни не всегда удастся получать то, что хочется.

Уж кому-кому, а Чейзу это было известно слишком хорошо. Он не желал становиться опекуном девочек-сирот. Ему совсем не хотелось оказаться первым в очереди претендентов на титул герцога Бельвуа. И меньше всего ему хотелось присутствовать уже на четвертых похоронах за последние несколько дней. Тем не менее он вошел в детскую.

Дейзи повернулась к ним. Кружевная черная вуаль покрывала ее светловолосую головку.

— Пожалуйста, выразите свое уважение покойной. — Она взмахнула рукой, чтобы Чейз вышел вперед.

Он послушно подошел к ней, встал рядом и наклонился, чтобы девочка смогла приколоть ему траурную повязку на рукав сорочки.

— Выражаю сочувствие вашей потере. Весьма сожалею, — сказал он.

«Я очень сожалею! Ты даже не представляешь себе, с какой силой я сожалею!»

Чейз занял свое место у изголовья кровати и стал разглядывать покойницу. Она была бледна как привидение и закутана в саван. На глазах у нее лежали пуговицы. Ну слава богу! А то сейчас его страшно нервировал бы бессмысленный взгляд круглых глаз.

Взяв опекуна за руку, Дейзи склонила головку и начала читать молитву.

— Мистер Рейно, будьте любезны, скажите несколько слов.

Чейз закатил глаза к потолку. Господи, помоги!

— Отец наш всемогущий, — начал он уныло, — просим тебя, прими душу Миллисент. Прах к праху. Опилки к опилкам. Она была молчаливой куклой, вдобавок не могла двигаться самостоятельно, но навеки запомнится нам своей всегдашней — некоторыми могут сказать: постоянно рисовавшейся — улыбкой на личике. Мы знаем, что по милости Небес она воскреснет — возможно, уже к ланчу. — И добавил себе под нос: — К сожалению!

— Аминь, — пропела Дейзи торжественно, опустила куклу в деревянный ящик для игрушек и закрыла крышку.

Угнетающую тишину нарушила Розамунда.

— Пойдем вниз, на кухню, Дейзи. У нас на завтрак булочки с маслом и джемом.

— Вы будете завтракать здесь, — поправил ее Чейз, — в детской. Сейчас ваша гувернантка...

— Наша гувернантка? — Дейзи послала ему полный нежности невинный взгляд. — Но в данную минуту у нас нет гувернантки.

Он застонал.

— Только не говорите мне, что гувернантка ушла. Я нанял ее вчера!

— Мы избавились от нее в пять часов с четвертью пополудни, — горделиво сообщила Розамунда. — Это новый рекорд.

Невероятно!

Чеканя шаг, Чейз подошел к карте мира на стене и выдернул булавку из рамки. Здесь! Наобум вонзил булавку в ничего не подозревавшую страну и властно указал на нее пальцем.

— Я отправлю вас в пансион вот сюда, — произнес он и искоса глянул на карту. — На Мальту!

Вне себя от гнева, Чейз вылетел из комнаты, стремительно проделав путь через четыре пролета лестницы, холл и кухню — весь путь отступления. Ворвавшись к себе, он захлопнул за собой дверь, запер на ключ и только тогда смог отдышаться.

Для джентльмена-сибарита все это было слишком. Он чувствовал себя вымотанным. Ему требовалось принять ванну, побриться, сменить одежду и выпить порошок от головной боли. Через час придет Барроу с кучей бумаг, которые нужно просмотреть, и с банковскими счетами, которые нужно подписать. Вечером в клубе состоится очередной кутеж. А сейчас ему необ-

ходимо подумать о том, чтобы нанять очередную гувернантку.

Но перед тем как он предстанет перед любой из претенденток, надо выпить. Прокладывая себе путь к бару, он отодвинул в сторону карточный столик, покрытый запылившейся скатертью, и прислонил к стене стопку картин, которые ждали, когда их наконец развешат. Его апартаменты находились в стадии ремонта.

У него, конечно, имелась прекрасно обставленная спальня наверху, но в данное время ему нужно было обосноваться в таком месте, которое будет находиться от детской как можно дальше. Это было в интересах двух девчонок и его самого. Он предпочел бы не знать, какие проказы устраивают его подопечные наверху, а они не должны ничего знать о его порочных выходках на первом этаже.

Чейз откупорил бутылку вина и наполнил большой бокал. Немного рановато для бургундского... Ну и что с того? В конце концов, в доме траур. Куда тут денешься, если надо помянуть Миллисент.

Он опорожнил половину бокала в один глоток и вдруг услышал легкий стук в дверь. Не в ту дверь, которая вела на кухню, нет, а в ту, что выходила на улицу.

Чейз тихо выругался, оторвавшись от бургундского. Это, должно быть, заявила Колетт. Они хорошо повеселились несколько ночей назад, но, судя по всему, ни его репутация, ни прощальный букет, отправленный ей, не оказали своего воздействия. Значит, ему предстоит разговор с ней.

«Дело не в тебе, дорогуша. Дело во мне. Я ничемный, безнадежно испорченный человек. Ты достойна лучшего».

Все это было правдой — банальной правдой, как бы это ни воспринималось на слух. Когда речь заходила об отношениях, романтических или любых других, у Чейза было одно правило: никаких привязанностей!

Его слова о жизни забудутся, его предложения заняться любовью забудутся. Слова о том, что он собирается отправить своих подопечных в пансион, тоже забудутся. А вот любое обещание, которое он даст, может принести страдания.

— Заходи! — крикнул Чейз, не потрудившись обернуться. — Там открыто.

Дуновение ветерка коснулось его шеи, когда двери приоткрыли, а потом прикрыли — тихо, словно кончиками пальцев.

Он взял еще один бокал и наполнил.

— Вернулась за добавкой, да? Ненасытная шалунья. Я так и понял, что ты не случайно забыла здесь свой чулок в ту... — Чейз повернулся с бокалами в руках и нахальной улыбкой на лице. — В ту ночь.

Как интересно! В комнату вошла совсем другая особа.

Особа, совершенно непохожая на Колетт!

Перед ним стояла хрупкая темноволосая девушка. Она стискивала в руках потертую коричневую сумку, а глаза были полны неподдельного ужаса. Чейз видел, как у девушки отливала кровь от лица, накапливаясь у основания шеи жаркой краснотой.

— Доброе утро, — любезно произнес Чейз.

В ответ девушка громко сглотнула, протолкнув комок, стоявший в горле.

— Вот. — Левой рукой он протянул ей бокал вина. — Возьмите. У вас такой вид, будто вам требуется выпить.

Он!

Это был он. Александра узнала бы его где угодно. Черты его лица отпечатались у нее в памяти. Молодой человек был красив, невероятно красив. Дерзкие зеленые глаза, шапка темных волос и эта соблазнительная кривая улыбка. Ради такой улыбки любая женщина была бы готова лишиться добродетели прямо посреди комнаты, заполненной людьми.

Александра вдруг сообразила, что стоит, практически касаясь носками туфель — сказать «стояла лицом к лицу» нельзя, потому что она была совсем маленького роста, — того самого Повесы из Книжной Лавки, который наконец предстал перед ней во плоти.

Такой сокрушительно реальный!

Рукава сорочки закатаны до локтей, ворот расстегнут, галстук отсутствует. Чтобы не пялиться на него, Александра опустила глаза.

Господи! Он, оказывается, еще и босой.

— Я... Простите, мне показалось, что эта дверь для слуг. Я сейчас же уйду. — Она низко склонила голову, молясь про себя, чтобы он не узнал ее. Если она уйдет прямо сейчас, такую встречу можно будет пережить.

— Вы ничуть не ошиблись. Еще несколько недель назад этой дверью действительно пользовались слуги. Теперь это помещение предназначено для моих личных целей. Что-то вроде убежища для джентльмена.

Алекс окинула взглядом комнату. «Цели» джентльмена были вполне очевидны. Бар, полный напитков. Плюшевый шезлонг. Фиолетовые бархатные портьеры. На полу шкура какого-то лохматого зверя. На стене оленьи рога.

А еще тут был кем-то забытый чулок, про который уже упоминал герцог. Чулок свисал с рога как белый флаг, как признание капитуляции.

Судя по всему, она попала в логово наслаждения.

От смущения девушку охватил жар, на лбу выступили бисеринки пота.

— Я здесь явно не ко времени. Зайду в другой раз.

Крепко зажав в руках сумку, она попыталась обойти хозяина комнаты сбоку, но это было совсем не просто. Он оказался очень быстрым и очень высоким, а также мускулистым и мужественным. Шагнув в сторону, он преградил ей дорогу к двери.

— Поверьте, для меня большое удовольствие видеть вас.

«А для меня большое удовольствие вас не видеть».

Заслонив рукой лицо, Алекс украдкой посмотрела на картину, висевшую на стене. На ней была изображена обнаженная женщина, которая осмотрительно прикрывала веером сокровенную часть тела.

— На прошлой неделе я оставила у вас свою карточку. Собиралась поговорить с экономкой, чтобы предложить ей свои услуги.

— Ну разумеется.

— Тогда, может, вы направите меня к ней?

— Все собеседования я провожу сам. Это экономит время, как мне кажется.

Удивившись, Алекс подняла на него глаза. Это было весьма необычно для джентльмена и хозяина дома: беседовать с той, чьими услугами он собирался воспользоваться, — ведь речь шла всего лишь о подводке часов по Гринвичу раз в неделю.